

КОДИРОВАНИЕ ПОСЕССИВНОСТИ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР

Алина Русских
(Санкт-Петербург)

Введение. В русском языке возможно употребление терминов родства как с притяжательным местоимением, так и без него. Использование терминов родства без эксплицитного выражения посессивности возможно из-за особенной референциальной нагрузки этих слов: они отсылают к уникальным (например, *мама*) или почти уникальным (например, *бабушка*) референтам. Кроме того, для терминов родства характерно наличие эгоцентрической семантики, которая предполагает говорящего в качестве одного из участников описываемой ситуации [Dahl 1997].

В статье [Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001], посвященной преимущественно шведским терминам родства, отмечается, что при употреблении терминов родства референциальный «якорь» (“anchor”) может быть явным (“explicit”) или подразумеваемым (“implicit”): «...Если я скажу *Dad is sick*, явное указание на референциальной «якорь» отсутствует, но высказывание по-прежнему понимается как относящееся к моему отцу» (перевод мой, — А. Р.)¹ [Там же: 201].

В русском языке термины родства могут использоваться без маркера посессивности даже в тех случаях, когда говорящий не имеет в виду своего родственника, как в (1) и (2).

- (1) {Охотник спрашивает:} – **Мама** дома? [НКРЯ]
- (2) При **маме** он либо тушевался, во всем принимая ее сторону, либо, напротив, орал, обвиняя в нарушении права на частную жизнь. [НКРЯ]

В приведенных выше примерах (1) и (2) принадлежность маркируется имплицитным посессивом. Посессив является имплицит-

---

¹ „If I say *Dad is sick*, no anchor is explicitly indicated, but the utterance is still understood to refer to my father”.

ным в том случае, если он находится в структурной позиции, разрешающей эксплицитный посессив, однако эксплицитный посессив не употребляется². Например, в высказывании (3) при существительном *мама* маркер посессивности отсутствует, однако эксплицитный посессив в (4) также допустим.

- (3) *Одежда старенькая, но чистая и зашитая, без дырок — мама строго следила. Привычка быть во всем аккуратным осталась у Сергея на всю жизнь.* [НКРЯ]
- (4) ^{OK}*Одежда старенькая, но чистая и зашитая, без дырок — его мама строго следила.*

Имплицитный посессив не может появляться в конструкциях с внешним посессором, ср. (5) и (6). В связи с этим конструкции такого типа не будут рассматриваться в данной статье.

- (5) *Она не говорила Олегу, что у него есть брат, Олег не знает.* [НКРЯ]
- (6) **Она не говорила Олегу, что у него есть его брат, Олег не знает.*

Как видно из примеров (3) и (4), при упоминании чужого родственника в русском языке может использоваться конструкция как с имплицитным посессивом, так и с эксплицитным посессивом. Между тем, на наш взгляд, выбор между этими двумя конструкциями не является случайным. В данной статье обозначенная выше проблема будет рассматриваться как проблема референциального выбора в дискурсе.

Референциальный выбор понимается как мотивированный многофакторный процесс, позволяющий моделировать взаимодействие релевантных факторов и с помощью них объяснять каждый конкретный случай выбора в рассматриваемом дискурсе [Кибрик 1997: 94]. Предпочтение того или иного референциального средства обуславливается стремлением предотвратить референциальный конфликт в тексте, т.е. избежать неоднозначности и облегчить его восприятие для слушающего [Кибрик 1987].

---

² Мы следуем определению имплицитного аргумента, предложенного в [Landau 2010]. Подробнее о классификации имплицитных аргументов и различных взглядах на имплицитный посессив см. [Бурукина 2014: 6–24].

На наш взгляд, более точное представление о выборе между посессивными и непосессивными конструкциями с терминами родства могут дать количественные данные. Соответственно, описание в настоящей статье основывается на квантитативном анализе высказываний, в которых встречаются термины родства с имплицитными и эксплицитными посессивами. Для анализа высказываний используются дискурсивные параметры Т. Гивона (см. подробнее 1.).

Ниже подробнее рассматривается связь между непрерывностью темы и способом кодирования референта в дискурсе (см. раздел I.), влияние предшествующих упоминаний рассматриваемого референта на выбор между посессивными и непосессивными конструкциями с терминами родства (см. раздел II.), специфика употребления рестриктивных и нерестриктивных зависимых с эксплицитным и имплицитным посессивом при термине родства (см. раздел III.).

I. Референциальный выбор и непрерывность темы. В [Givón 1983] Т. Гивон высказывает гипотезу о том, что выбор между полным и редуцированным референциальным выражением зависит от непрерывности темы ("topic continuity"). Под непрерывностью темы понимается предсказуемость появления того или иного референта в тексте. В самых непрерывных темах появление референта ожидается, поэтому для его кодирования требуется меньше формального материала. В дискурсах с прерывистой темой отмечается обратная ситуация: «Чем более нарушающей ход повествования, неожиданной, прерывистой или трудной для восприятия является тема, тем больше „кодирующего” материала она требует» (перевод мой, — А. Р.)³ [Там же: 18].

Т. Гивон вводит шкалу непрерывности темы, согласно которой, чем более непрерывна тема, тем меньшее количество языкового материала используется для ее кодирования. Так, например, для непрерывных тем характерно использование анафоры как наименее референциально „нагруженного” материала. Параметр непрерывности темы является также возможной оценкой доступности темы для слушающего: непрерывная тема содержит повторение одного и того же референта — в свете чего является до-

³ „The more disruptive, surprising, discontinuous or hard to process a topic is, the more coding material must be assigned to it”.

ступной; прерывистая, напротив, рассматривается как недоступная, так как в ней могут встречаться разные, непредсказуемые с точки зрения текста, референты.

Прерывистость или непрерывность темы может быть измерена с помощью следующих дискурсивных параметров:

1. Референциальное расстояние (“referential distance”)

«Это измерение оценивает разрыв между предыдущим упоминанием референта / темы в дискурсе и его текущим положением, где он маркирован определенным грамматическим средством. Таким образом, разрыв выражается в числе клауз слева (от 1 до 20)» (перевод мой, — А. Р.)⁴ [Там же: 13].

2. Потенциальные помехи (“potential interference”)

Это измерение оценивает разрушительный эффект, который другие референты в пределе непосредственно предшествующем текстовом фрагменте, могут оказывать на доступность темы» (перевод мой, — А. Р.)⁵ [Там же: 14]. Рассматривается 3 клаузы влево.

3. Сохранение в правом контексте (“persistence”)

«Мы измеряем постоянство темы в количестве клауз справа — т. е. в дискурсе, следующем за рассматриваемой клаузой, — в которых тема/участник продолжает непрерывное присутствие в качестве семантического аргумента клаузы» (перевод мой, — А. Р.)⁶ [Там же: 15].

⁴ „This measurement assesses the gap between the previous occurrence in the discourse of a referent/topic and its current occurrence in a clause, where it is marked by a particular grammatical coding device. The gap is thus expressed in terms of number of clauses to the left (from 1 to 20)”.

⁵ „This measurement assesses the disruptive effect which other referents within the immediately preceding register may have on topic availability or identification within a clause”.

⁶ „We measure persistence in terms of the number of clauses to the right — i.e. in subsequent discourse from the measured clause — in which the topic/participant continues an uninterrupted presence as a semantic argument of the clause”.

Так, термины родства с эксплицитным посессивом содержат больше „кодирующего” материала, чем термины родства с имплицитным посессивом. Опираясь на исследование Т. Гивона, мы полагаем, что в тех случаях, когда тема является более непрерывной, термины родства используются без притяжательного местоимения; тогда как термины родства с притяжательным местоимением используются в прерывистой теме.

II. Референциальное расстояние и кодирование посессивности с терминами родства. В данном разделе будет рассмотрено влияние непрерывности темы на выбор между посессивными и непосессивными конструкциями с терминами родства.

При измерении непрерывности темы с помощью дискурсивных параметров Т. Гивона, наиболее доступной будет считаться такая тема, в которой упоминания референта встречаются как в левом, так и в правом контексте, а потенциальные помехи в виде других референтов отсутствуют. Между тем, полученные нами данные показывают, что наиболее значимой дискурсивной характеристикой темы при выборе между посессивной и непосессивной конструкцией с терминами родства является референциальное расстояние. Влияние параметров потенциальные помехи и сохранение в правом контексте на предпочтение имплицитных и эксплицитных посессивов в данном исследовании обнаружено не было.

Для каждого рассматриваемого термина родства было выявлено наличие или отсутствие antecedента в предшествующих 20 клаузах. Рассматривались исключительно повествовательные предложения с термином родства *мама*.

В таблице 1. показано, что термин родства *мама* имеет тенденцию использоваться без притяжательного местоимения в тех случаях, когда он уже упоминался в левом контексте — (7) и (8). Тогда как термины родства с эксплицитным посессивом обычно употребляются впервые — (9): их antecedенты в предшествующих клаузах отсутствуют. Различия статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

- (7) {*Отцу явно не везло в семейной жизни. После **Машиной матери** у него было еще две жены.*} Судя по тому, как **мама** отзывалась о своем бывшем муже, расстались они очень плохо.
[НКРЯ]

- (8) {«Ну да! Разрешено всё, что не запрещено!» — усмехнулся Вася и... женился. **Её мама** против не была, а папы у неё не было.} **Мама** была даже за. [НКРЯ]
- (9) {Потом я несколько дней подряд звонил ей домой, и как-то так получалось, что всякий раз ее не было дома: то она в библиотеке, то в театре (без меня!)} . Об этом мне исправно и вежливо сообщила **ее мама**, когда я звонил. [НКРЯ]

Таблица 1. Термин родства *мама*. Влияние левого контекста

	ТР с имплицитным посессивом	ТР с эксплицитным посессивом
Наличие антецедента	75	41
Отсутствие антецедента	25	59
Доля наличия антецедента	0,75	0,41

Сделанные нами выводы созвучны идеям Т. Гивона о кодировании материала в соответствии с доступностью темы. Выбор между посессивными и непосессивными конструкциями с терминами родства зависит от референциального расстояния. В тех случаях, когда рассматриваемый референт уже упоминался ранее, используется материал с меньшей референциальной нагрузкой — термин родства без притяжательного местоимения. Первое употребления термина родства, напротив, кодируется посессивностью.

III. Рестриктивные зависимые и кодирование посессивности с терминами родства. Известно, что термины родства по некоторым грамматическим и сематическим свойствам похожи на имена собственные. Например, у терминов родства и имен собственных первого склонения вокатив образуется по одной модели — с помощью усечения формы [Даниэль 2009: 225]. Это объясняется их соседством в иерархии одушевленности [Silverstein 1981: 240]. В данном разделе будут сопоставлены особенности маркирования посессивности при именах собственных и терминах родства.

В связи с тем, что имена собственные обладают уникальной референцией, для них несвойственно эксплицитное маркирование посессивности. Это обусловлено тем, что посессивность имеет функ-

цию выбора из множества⁷, которая нехарактерна для слов с уникальной референцией. Среди 50 случайно отобранных клауз с именем собственным *Машиа*, встретился только один пример типа (10):

(10) *Моя Машиа жевала булочку.* [НКРЯ]

Как и имена собственные, термины родства преимущественно имеют уникальную (например, *мама*, *папа*) или почти уникальную (например, *бабушка*, *дедушка*) референцию. Это позволяет предположить, что, с одной стороны, термины родства могут восприниматься как имена собственные, при которых практически не употребляются посессивные зависимые, с другой стороны, они также могут выступать в качестве нарицательных существительных, с которыми принадлежность обычно маркируется эксплицитно. Таким образом, в первом случае термины родства будут иметь тенденцию использоваться в непосессивных конструкциях как слова с уникальной референцией, тогда как во втором — в посессивных.

Существуют контексты, в которых имена собственные, в отличие от терминов родства, не используются. Например, они не могут принимать рестриктивные зависимые, тогда как термины родства это позволяют. В таких контекстах проявление свойств имен собственных у терминов родства не ожидается.

Специфика референции имени собственного накладывает определенные ограничения на зависимые, которые могут находиться при нем⁸. Например, уникальность референта, к которому отсылает имя собственное, позволяет использовать при нем только нерестриктивные определения, как в (11):

(11) *Покойная Василиса всегда там ела.* [НКРЯ]

В отличие от имен собственных, рестриктивные определения могут употребляться с терминами родства. Ограничения на употребление зависимых при именной группе с имплицитным посессивом уже подробно рассматривались. Например, в [Lødrup 2010] на материале норвежского языка отмечается, что именные группы с имплицитным посессивом могут принимать исключительно

⁷ В [Thunes 2013] посессивы рассматриваются как подкласс детерминаторов, семантическая роль которого заключается в уточнении референции именной группы.

⁸ См. подробнее [Langendonck 2007].

рестриктивное зависимое определение. И. С. Бурукина сравнивает исследование Х. Лодрапа с русскими терминами родства с имплицитными посессивами. Она приходит к выводу, что русские термины родства с имплицитными посессивами также присоединяют предпочтительно рестриктивное определение. Однако, согласно И. С. Бурукиной, уникальные родственники, как и термины родства с эксплицитным посессивом, могут присоединять и нерестриктивные определения [Бурукина 2014: 46].

Между тем, в НКРЯ встречаются примеры использования нерестриктивного определения с неуникальными терминами родства и имплицитным посессивом, как (12). Употребление рестриктивного зависимого с уникальными родственниками кажется маловероятным из-за их референциальных свойств.

- (12) *Он считал своим долгом заботиться о ней, поскольку любил покойного брата, но как женщина она не будила в нем ни малейших эмоций.* [НКРЯ]

В таблице 2. показана частотность употребления эксплицитного посессива с термином родства *сестра*. В связи с тем, что *сестра* не является уникальным родственником, с этим словом могут употребляться как рестриктивные, так и нерестриктивные определения. Наличие нерестриктивного зависимого *покойная* не влияет на выбор между посессивной и непосессивной конструкцией: разница между выборкой без зависимого и выборкой с нерестриктивным зависимым укладывается в среднее квадратное отклонение. В то же время, с рестриктивным зависимым *младшая* чаще используется эксплицитный посессив, как в примере (13).

- (13) *Потом и новый ее жених, типографский рабочий Анри Шарль, славный парень, заводила и сердцеед, вдруг тоже как будто затосковал и стал проводить больше времени в кабаке, чем на собраниях секции, а вскоре тоже женился — на ее младшей сестре.* [НКРЯ]

Так, наличие рестриктивного зависимого влияет на выбор между эксплицитным и имплицитным посессивом ($P < 0,05$). Отсутствие разницы в использовании эксплицитного и имплицитного посессива между терминами родства без зависимого и терминами родства с нерестриктивным зависимым позволяет предположить, что

в таких контекстах они проявляют референциальные свойства, характерные для имен собственных.

Таблица 2. Термин родства *сестра*.
Рестриктивное vs. нерестриктивное определение

	<i>Сестра</i>	<i>Покойная сестра</i>	<i>Младшая сестра</i>
ИмPLICITНЫЙ посессив	19	17	8
ЭКСПЛИЦИТНЫЙ посессив	11	13	22
Доля употреблений с ЭП	0,37	0,43	0,73

Выводы. В статье с помощью статистического анализа данных НКРЯ было показано, каким образом дискурсивные характеристики текста влияют на выбор между посессивными и непосессивными конструкциями с терминами родства.

Во-первых, было выявлено, что употребление притяжательных местоимений с терминами родства зависит от непрерывности темы (“topic continuity”) [Givón 1983]. Согласно Т. Гивону определить непрерывность или прерывистость темы можно используя такие дискурсивные параметры как референциальное расстояние (“referential distance”), потенциальные помехи (“potential interference”), сохранение в правом контексте (“persistence”). В дискурсе с непрерывной темой более вероятно появление материала с меньшей референциальной нагрузкой, так как в нем легче определить подразумеваемого антецедента. Полученные нами данные показывают, что наиболее значимой дискурсивной характеристикой темы при выборе между посессивной и непосессивной конструкцией с терминами родства является референциальное расстояние. Было обнаружено, что употребление терминов родства без выраженной посессивности как материала с меньшей референциальной нагрузкой характерно для контекстов, в которых тема является непрерывной; тогда как термины родства с притяжательными местоимениями используются преимущественно в таких случаях, в которых упоминание этого референта не встречается в 20 предшествующих клаузах.

Во-вторых, выражение посессивности связано с наличием рестриктивного определения у термина родства. Так, термины род-

ства с рестриктивным определением чаще употребляются в по-
сессивных конструкциях; тогда как появление притяжательного
местоимения с термином родства без зависимого или с нерес-
триктивным зависимым менее распространено.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурукина И. С. 2014 — *Синтаксис имплицитных поессивов в русском языке*. Маг. дисс. РГГУ. М.
- Даниэль М. А. 2009 — Новый русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов. *Корпусные исследования по русской грамматике* / Под ред. К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. Рахилина, С. Г. Татевосов. М. Пробел-2000, 2009. С. 224–244.
- Кибрик А. А. 1987 — Механизмы устранения референциального конфликта. *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. М. Наука. С. 128–145.
- Кибрик А. А. 1997 — Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе. *Вестник Московского университета*. № 4. М. С. 94–105.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. www.ruscorpora.ru.
- Dahl Ö, Kortjevskaja-Tamm M. 2001 — Kinship in grammar. *Dimensions of possession* / Ed. by Irène Baron, Michael Herslund, Finn Sørensen. P. 201–225.
- Dahl Ö. 1997 — Egocentricity in Discourse and Syntax. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.30.6769&rep=rep1&type=pdf>.
- Givón T. 1983 — Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross Language Study. *Typological Studies in Language 3*. Amsterdam. John Benjamins.
- Landau, I. 2010 — The Explicit Syntax of Implicit Arguments. *Linguistic Inquiry*. № 41. P. 357–388
- Langendonck W. 2007 — *Theory and typology of proper names*. Berlin, New York. Mouton de Gruyter.
- Lødrup H. 2010 — Implicit possessives and reflexive binding in Norwegian. *Transactions of the Philological Society*. № 108. P. 89–109.
- Silverstein M. 1981 — Case marking and the nature of language. *Australian Journal of Linguistics*. № 1:2. P. 227–244.
- Thunes M. 2013 — The inalienability pattern of English and Norwegian. *Bergen Language and Linguistics Studies*. № 3. P. 167–178.